

АННА СОРОКА
СОНЯ МИРОНОВА



МОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

СЕВЕРНЫЙ РУБЕЖ

Соня Миронова

**Мой полицейский.
Северный рубеж**

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Северный рубеж / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я осталась одна на геологической базе посреди сибирского бурана, чтобы сохранить открытие, ради которого работала два года. Но за моими картами месторождений пришли вооружённые старатели. Свет погас, выход отрезан, а стальную дверь моего убежища уже режут снаружи. В наушнике звучит голос капитана полиции Михаила Белозерова: «Я иду к тебе». Ради меня он бросает вызов метели и тем, кто приказал ему остаться в посёлке. Рядом с этим суровым мужчиной впервые хочется не спорить, а довериться. Только я не собираюсь прятаться за его спиной: тайгу и свою работу я знаю не хуже, чем он — врага. Нам предстоит вместе удержать северный рубеж. Только как удержать сердце, когда его прикосновения обжигают сильнее огня?

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Сорока

Мой полицейский. Северный рубеж

Мой полицейский. Северный рубеж

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Глухозимье на высоте двенадцати сотен метров не просто вымораживало воздух — оно высасывало из него саму жизнь. За рифлеными жестяными стенами камеральной лаборатории «Северной-четвертой» бесчинствовал полярный буран. Порывы ветра в тридцать пять метров в секунду с яростным визгом бросали в крошечные тройные стеклопакеты колючую ледяную крупу, и весь стальной каркас модуля мелко, надсадно вибрировал, словно застрявший во льдах сухогруз. Термометр за окном показывал минус сорок два. В такую стужу металл становился ломким, как сухое печенье, а человеческое дыхание опадало на воротник шуршащей ледяной пылью.

Я сидела над окулярами бинокулярного микроскопа МБС-10, растирая негнувшиеся пальцы. Единственная настольная лампа под коническим жестяным абажуром выхватывала из полумрака прямоугольник верстака: разложенные в бархатных гнездах шлифы, стальную чертилку с победитовым наконечником и три плоских металлических пенала с эталонными кернами.

То, что лежало под моим предметным стеклом, стоило двух лет каторжной работы всей полевой партии. Темно-серая, с едва уловимым платиновым отливом мелкозернистая порода не числилась ни в одном из старых советских отчетов по Кедровскому рудному узлу. Это был гипербазитовый горизонт с аномальным содержанием металлов платиновой группы и редкоземов — открытие, способное перевернуть всю геологическую карту Восточной Сибири. Вся экспедиция ушла вниз по зимнику еще неделю назад, до первых штормовых предупреждений. Я осталась на консервацию одна — добровольно, назло насмешкам научного руководителя профессора Аркадия Валерьевича Воронова в Москве, уверявшего, что девчонка-маркшейдер сломается на первом же сибирском морозе.

Вдруг лампа над столом мигнула. Нить накаливания вспыхнула болезненным желтым светом, на секунду взвизгнул аварийный зуммер на стене, и лаборатория мгновенно провалилась в абсолютную, густую тьму.

Оборвался гул обогревателей. Тишина, наступившая внутри модуля, на секунду показалась оглушительной — остался только дикий, звериный рев метели за стеной.

Я замерла, задержав дыхание. Сердце глухо толкнулось в ребра. Основная дизельная станция стояла в пятидесяти метрах от жилого корпуса, в отдельном шлакоблочном боксе. Кабель шел под землей в бронированной трубе — его не могло оборвать даже ураганом. Значит, подстанцию заглушили вручную. Или перерубили ввод.

Щелкнув кнопкой налобного фонаря, я полоснула узким белым лучом по стенам. В коридоре базы раздался протяжный, тяжелый металлический скрежет. Кто-то снаружи сорвал внешний навесной замок технологического тамбура и с силой всадил лом в стык железной двери.

Они пришли не за соляжкой. И не за консервами.

Я бросилась к сейфу, срывая дыхание. Руки работали быстрее мыслей: захлопнуть тяжелые металлические крышки пеналов с эталонами, сгрести со стола толстые полевые журналы с рукописными координатами выходов жил, выдернуть из разъемов системного блока две защищенные флешки с геодезическими привязками. Все — в тяжелую брезентовую планшетку. Туда же, на самое дно, лег отцовский саперно-геологический несессер. Отец, Сергей Корнеев, потомственный маркшейдер-взрывник, тридцать лет отдавший урановым рудникам, перед первой моей самостоятельной экспедицией вбил мне в голову навсегда: «В тайге, Инка, геолог без понимания тока и взрывчатки — просто турист с молотком. Металл и цепь чувствовать надо раньше, чем тайга тебя проверит». Именно он заставил меня сдать строгие экзамены на государственную «Единую книжку взрывника» с правом руководства взрывными работами.

Мультиметр, контрольные щупы, обжимные саперные кусачки с изолированными рукоятками — этот инструмент лежал в несессере как продолжение моих пальцев.

Звон разбиваемого стекла взорвал лабораторию.

В дальнее окно модуля, забранное изнутри защитной решеткой, влетел кусок мерзлого шлакоблока. Следом за ним в раму хлестнула короткая, сухая автоматная очередь. Пули калибра 7.62 с визгом распорили жестяную обшивку, выбивая из стен фонтанчики стекловаты и гипсовой трухи. Осколок витринного стекла полоснул меня по тыльной стороне левой ладони — горячая кровь мгновенно потекла по пальцам, пачкая манжету пуховика.

Я рухнула на четвереньки, прижимая брезентовую сумку к животу. Пол под ладонями уже остывал, становясь ледяным. За дверью лаборатории загрохотали тяжелые подкованные сапоги. Не меньше трех человек.

— Штырь, чисто! — прохрипел из коридора прокуренный, хриплый голос. — Руби щиток к чертям, чтобы пожарная сигнализация не орала! Девку брать живой, сейф номер четыре в кернохранилище не трогать до Павла Губина! Карты жил должны быть у нее!

Они знали. Они знали точный номер сейфа и фамилию главаря. Это были не бродячие таежные браконьеры, промышлявшие соболем или мытьем случайного золота по ручьям. Черные старатели артели «Полярная звезда» пришли целенаправленно — с оружием, точным планом модуля и наводкой на мои платиновые образцы для главаря Павла Губина по кличке Беркут.

Путь к главному выходу был отрезан. Единственное спасение — полуподвальное кернохранилище в конце технологического перехода: монолитный железобетонный бункер, построенный еще в семидесятые годы для долговременного хранения радиометрических проб, с полуторадюймовой герметичной стальной дверью судового типа.

Я пригнулась, сгруппировалась и ласточкой выскочила в темный коридор.

В пяти метрах впереди тьму рассек широкий луч тактического фонаря, закрепленного под стволом укороченной «Сайги». Фигура в белом заляпанном маскхалате и черной вязаной балаклаве шагнула мне навстречу.

— Стоять, сука! — рывкнул наемник, вскидывая оружие. — Брось сумку на пол!

Времени на раздумья не оставалось. На уровне пояса на стене висел тяжелый пятилитровый порошковый огнетушитель ОП-5. Не сбавляя шага, я сорвала его с кронштейна обеими руками и всем весом корпуса, с разворота, швырнула чугунный баллон прямо в лицо боевику.

Глухой хруст ломаемого носового хряща потонул в вопле боли. Наемник покачнулся, роняя автомат, а я, проскользнув под его вытянутой рукой, влетела в бронированный тамбур кернохранилища.

Но захлопнуть створку я не успела на какую-то долю секунды.

Оклемавшийся боевик прыгнул следом, и толстый вороненый ствол его карабина с металлическим лязгом вклинился в сужающуюся щель между косяком и стальным полотном. Дверь заклинило на ширине ладони. С той стороны на нее навалились всей тяжестью:

— Сука городская!.. Пальцы переломаю!..

Сквозь щель внутрь полезла его рука в плотной кожаной стрелковой перчатке, пытаясь нащупать внутренний рычаг ригеля.

Я не стала кричать. Ярость — холодная, расчетливая, впитанная за месяцы работы на сибирских полигонах — вытеснила страх. Под ногой на полу лежал метровый цилиндр керна сплошной хромитовой породы — полтора килограмма чистейшего тяжелого камня с острыми сколами. Я перехватила его двумя руками, замахнулась над головой и со всего размаха опустила острый скол на чужое запястье.

Раздался отчетливый треск ломаемой кости. Боевик за дверью взвыл по-звериному, разжимая пальцы. Карабин вывалился наружу, на бетон коридора.

Я навалилась на дверь всем телом, вжимая ее в раму. Стальной штурвал ригельного затвора поддался с натужным стоном. Один оборот, второй, третий! Из пазов с глухими щелчками вышли тридцатимиллиметровые закаленные штыри, намертво запечатав хранилище.

Я сползла спиной по холодному металлу на пол, судорожно хватая ртом морозный воздух. Руку жгло — порез на ладони кровоточил, оставляя темные пятна на рукаве брезентовой куртки.

Здесь не было окон. Стены метровой толщины из гидротехнического бетона глушили завывание бурана до глухого, далекого гула. Но температура падала стремительно. В кернохранилище не было собственного отопления — тепло поступало из лаборатории по вентиляционному коробу. Сейчас оттуда тянуло чистым, обжигающим холодом: минус десять, и ртуть продолжала опускаться.

На бетонной стене у входа тускло серел металлический ящик аварийного полицейского радиомаяка «Поиск-М» — обязательное требование для изолированных полярных станций первой категории.

Я поднялась на ноги, подошла к ящику и откинула крышку. Тумблер запуска заклинило намертво: внутрь корпуса проник конденсат и замерз плотной ледяной глазурью. Силовое нажатие ни к чему не привело — силуминовый рычажок просто надломился бы.

Дрожащими, немеющими пальцами я расстегнула отцовский несессер, достала закаленный стальной шуп с эбонитовой ручкой и длинную медную перемычку с зажимами-«крокодилами». Поддев ледяную корку на клеммной колодке, я соскребла наросший иней и восстановила контакт в цепи питания.

Под потолком бункера щелкнуло реле. На передней панели прибора часто, тревожно замигал рубиновый светодиод: импульсный сигнал SOS на закрытой ведомственной волне МВД пошел в эфир.

Но радоваться было рано.

С той стороны гермодвери раздался резкий шипящий звук, от которого у меня перехватило дыхание. Свист под давлением, гул воспламенившейся смеси. Кислородно-керосиновый термический резак.

Черные старатели притащили на базу промышленный автоген, которым на карьерах резали застрявшие ковши экскаваторов.

В нижней четверти стального полотна, прямо напротив центрального ригеля, краска вспучилась черными пузырями. Металл начал краснеть, наливаясь вишневым жаром, а затем побелел. В стык между полотном и коробом брызнули снопы ослепительных бело-синих искр.

В кернохранилище повалил душливый, едкий чад горящей уплотнительной резины и горелой грунтошки.

Я знала, как быстро такой резак справляется со сталью, но за дверью пламя то и дело захлебывалось. Нападающие ругались, били по вентилям и снова запускали горелку. Только эти перебои пока спасали ригели. Помощи ждать было неоткуда — до поселка Кедровый по горному серпантину лежало сорок километров непроходимых снежных заносов, а буран такой силы закрывал перевалы на двое суток.

Я сорвала с шеи шерстяной шарф, плеснула на него остатки горького, остывшего травяного чая из термоса и плотно прижала к лицу, защищая дыхание от ядовитого дыма. Затем подошла к стеллажам, достала из гнезда свой тяжелый геологический молоток с клиновидным каленым бойком из инструментальной стали У8А и встала в полуметре от двери — в мертвой зоне, за линией распах створки.

Если они войдут — я не стану умолять на коленях. Мой отец никогда не сдавался завалам в забое. И я встречу их стоя.

Глава 2

В маленьком наушнике радиомаяка «Поиск-М», который я прижала к правому уху, царил дикий хаос высотной статики. Радиоэфир стонал и выл, разорванный магнитной бурей и снежными вихрями. Треск разрядов колот барабанную перепонку, словно иголки.

И вдруг сквозь этот первобытный белый шум пробился тяжелый, размеренный щелчок несущей частоты базового ретранслятора.

— «Северная-четыре»! — раздался в наушнике голос. Не механический, не столичный — густой, глубокий, ровный сибирский баритон, от звука которого по моей спине прокатилась странная, горячая волна. — Я «Восток-один», капитан Михаил Алексеевич Белозеров. Корнеева, если ты там и жива — дай двойной клик тангентой. В микрофон не говори, экономь батарею. Двойной клик!

Мое сердце оборвалось и заколотилось где-то у самого горла. Белозеров. Старший участковый района, о котором в поселке говорили с глухим, почти суеверным уважением: «Михаил тайгу насквозь чует, из любого капкана выйдет». Я видела его лишь однажды, мельком, когда регистрировала маршрутный лист экспедиции в Кедровом: огромный, плечистый опер с тяжелым взглядом светлых глаз и шрамом над бровью, державшийся особняком от поселкового начальства.

Дрожащим большим пальцем я нащупала резиновую клавишу на проводе и сжала ее дважды.

Щелк. Щелк.

В эфире повисла секундная тишина, сквозь которую послышался резкий выдох мужчины.

— Принял, Инна, — произнес он, и в его голосе не было ни капли растерянности — только свинцовая, несокрушимая уверенность. — Живая. Держись за бетон. Я иду к тебе.

Он забыл отжать тангенту базовой станции, или сделал это намеренно, чтобы я не оставалась одна во тьме умирающей базы. И в следующие секунды через динамик радиостанции я услышала драму, развернувшуюся в сорока километрах от меня, в дежурной части поселка Кедровый.

— Белозеров, ты с ума сошел?! — заверещал тонкий, истеричный голос диспетчера районного узла связи Валерия Захарова с позывным «Седьмой». — Куда ты собрался?! На перевале видимость нулевая, штормовое «красное»! По циркуляру МЧС любой выезд техники строжайше запрещен! Если утопишь казенный «Трэкол» в распадке — под трибунал пойдешь!

— Отойди от двери, Захаров, — глухо бросил Михаил. Звук его шагов по дощатому полу дежурки отдавался гулким эхом.

— Не пущу! Я начальник смены, я ворота базы блокирую! И вообще... мало ли кто там маяк включил! Может, провод замкнуло!

Послышался грохот сминаемого дерева и звук отшвырнутого с размаху стула. Следом раздался короткий, влажный хруст и сдавленный хрип человека, которого приподняли за грудки над полом:

— Еще раз пасть откроешь про «провод» — я тебе твои золотые коронки прямо в глотку вобью, — стальным шепотом произнес Белозеров. — Откуда у тебя в сейфе пачки пятитысячных с штампом артели «Полярная звезда», гнида? Губин тебе сколько отстегнул за отключение ретранслятора на сопке? Пятьсот тысяч? Миллион?

— Миша... Миша, пусти, дышать нечем!.. — захрипел диспетчер. — Меня заставили... Они сказали, просто образцы заберут, девку не тронут!..

— Значит, Губин на «Северной», — констатировал капитан. Звук глухого удара тела о стену возвестил об окончании допроса. — Лежи и молись, чтобы Корнеева дожила до моего приезда. Если с ее головы хоть волос упадет — из тайги тебя живым никто не вывезет.

Щелкнула дверь гаража. Связь зашумела сильнее, но теперь сквозь вой метели до меня доносились четкие звуки подготовки боевой машины.

Удары кувалды по обледеневшему навесному замку ворот — три сокрушительных, точных удара. Лязг железных створок. Зазвенел металл.

— Боекомплект взял, — бросил Белозеров в эфир. — В соседний район тревогу передал. Подмога будет, как только погода пустит.

Затем воздух в гараже разорвал низкий, басовитый рев мощного дизеля ЯМЗ. Тяжелый снегоболотоход «Трэкол» на гигантских колесах сверхнизкого давления оживал, вибрируя всеми шестью ведущими ступицами.

Время потянулось мучительно. За дверью снова гасла горелка, снова раздавался мат. Я перестала считать минуты, слушая, как Михаил продирается через заносы.

— «Северная», я на связи, — снова зазвучал в наушнике голос Михаила. Под мерный рокот мотора он говорил отрывисто, контролируя трассу. — Вышел на серпантин. До высоты девятьсот дорога перебита осыпью. Иду по приборам. Как обстановка в бункере?

Я переключила передатчик:

— Михаил... они режут гермодверь автогенем. Прожгли нижний угол. В помещении дым, дышать тяжело. Горелка у них сбоит, но замки уже раскалились. Долго не выдержат.

— Слышу тебя, Инна. Слышу отлично, — его голос стал неожиданно мягким, словно он коснулся моей руки через километры ледяного ада. — Сними шарф, намочи, дыши через ткань у самого пола. В угол не забивайся — держись за косяком в слепой зоне. Я на перевале Семи Ветров. Здесь лавинный надув в два человеческих роста. Стравливаю колеса до ноль-пятнадцати атмосфер. Буду бить перемет ходом. Держись, слышишь? Держись за меня.

В наушнике взревел турбокомпрессор. Я буквально физически ощущала, как многотонная махина на спущенных, расплюснутых по насту полутораметровых колесах врубается в слежавшуюся ледяную толщу лавинного козырька. Металл скрежетал о твердый наст, обороты падали, но дизель вытягивал, вгрызаясь протекторами в мерзлый грунт.

Секунды растягивались в вечность. Дверь кернохранилища гудела: раскаленный автоген прогрыз сталь почти до центрального запорного ригеля. В щель шириной в два пальца уже текли струи жидкого шлака, с шипением застывая на бетонном полу. Температура вокруг меня поднялась от пламени, но этот жар был ядовитым, пахнущим серой, паленой краской и близкой расправой.

— Прощел перевал! — выдохнул Белозеров, и сквозь шум рации я различила победный свист ветра на гребне. — Вижу огни базы. Инна, у них дозорный «Буран» у ворот со спаренным пулеметом на турели. Они меня пока не видят из-за снежного вихря. Гашу фары, иду накатом на таран плаца. После удара ложись на пол и закрой уши руками!

Я бросила взгляд на потолочный вентиляционный колодец кернохранилища — широкую квадратную вентиляционную шахту с сервисным лазом, забранную толстой чугунной решеткой, уходившую на плоскую крышу модуля.

Сквозь железные прутья в темноту бункера падали редкие ледяные крупы. И вдруг далеко вверху, сквозь вой бурана, сверкнул сполох — белый свет фар. Вездеход был уже у ворот!

Грохот за пределами кернохранилища начался внезапно, разорвав монотонный свист термического резака.

Сквозь толщу железобетонных стен и вентиляционный колодец до меня донесся яростный, надрывной вой тяжелого дизеля ЯМЗ, работающего на пределе оборотов. Где-то снаружи,

у въездных ворот базы, затрещал пулемет — я услышала, как свинец хлестнул по металлу, но тут же потонул в чудовищном звуке таранного удара.

Земля под моими ногами содрогнулась. Через фундамент бункера прокатилась глухая вибрация.

— Дозор снес! — прорезался сквозь треск рации голос Михаила.

Треск сминаемого дюралюминия и лопающихся гусениц эхом отозвался в вентиляционной трубе.

— Тревога! — истошно заорали в коридоре лаборатории. — Менты! Откуда здесь менты?!

— Режь засов, сука! — перекрывая шум начавшегося снаружи боя, рывкнул Штырь у двери моего убежища. — Еще полминуты, я дорезаю! Забираем девку и уходим на снегоходах через распадок!

Снаружи, прямо над крышей модуля, вспыхнул ослепительный белый свет — ксеноновая люстра вездехода на сто тысяч люмен полоснула по вентиляционной решетке, отбросив на пол моего бункера четкую решетчатую тень. Следом сквозь металлическую шахту прокатился сухой, хлесткий выстрел карабина «Тигр», звон упавшего на обледенелое крыльцо оружия и дикий вопль раненого наемника.

— Вход завален! Пойду сверху! — крикнул Михаил по рации.

Надо мной загрохотали подошвы по железу крыши. Потом раздался скрежет, будто кто-то вонзил острие в кровлю. Я подняла фонарь к шахте. Из темноты сверху сыпались снег и ржавая окалина. Он был там, над моей головой. Он пробился.

Я слышала каждый его шаг. Теперь между нами оставалась только решетка.

— Инна! — донесся сверху его глухой голос, заглушаемый ветром. — Задвижкуними!

— Задвижку сняла! — крикнула я вверх, надрывая связки сквозь мокрый шерстяной шарф. — Шахта свободна!

Над головой лязгнул металл. Михаил бил по крепежу решетки.

Удар! Еще удар!

Крепеж лопнул с треском. Решетка с грохотом сдвинулась, и в шахту ворвался снег.

В проеме мелькнуло лицо Михаила. А у двери моего убежища вдруг затихла горелка. Сквозь прорезанную щель я увидела, как Штырь отбросил сопло и потянулся к поясу. Там висел охотничий тесак.

— Заря пошла! — коротко рыкнул Белозеров.

Михаил бросил светозвуковую гранату в коридор через соседний выход вентиляционного короба. Я пригнулась за сейфом, зажав уши.

Секундное замедление. Штырь успел лишь поднять голову и грязно выругаться.

Грохнул сокрушительный светозвуковой взрыв.

Меня оглушило даже за бетонной стеной. За дверью закричали, что-то тяжело рухнуло. Горелка погасла; запах пороха смешался с чадом резины.

И в эту же секунду сквозь вентиляционный ствол, взметнув фонтан снежной пыли и битого бетона, прямо в бункер спрыгнул человек.

Глава 3

Остатки гермодвери с протяжным стоном вывернутых петель рухнули наружу, в коридор.

Сквозь клубы ядовитого дыма в проем, шатаясь, ввалился Штырь. Лицо бандита было залито кровью из разорванных ушей, глаза безумно блуждали, ослепленные взрывом, но в правой руке он судорожно сжимал полуметровый охотничий тесак из рессорной стали. Инстинкт загнанного зверя вел его вперед:

— Убью... всех положу!..

Он шагнул в мою сторону, занося лезвие для косого рубящего удара.

Я не отступила ни на миллиметр. Страх исчез, оставив лишь хрустальную, звенящую ясность в голове. Шагнув навстречу замаху, я всем весом вложилась в удар: тяжелый клиновидный боек геологического молотка с сухим хрустом вонзился точно в сочленение его правой ключицы и плечевого сустава.

Штырь захлебнулся криком, пальцы его разжались, и тесак со звоном отскочил от бетонного пола.

А в следующее мгновение пространство за моей спиной словно взорвалось.

Огромная белая тень метнулась от вентиляционной шахты. Движение Михаила было плавным, страшным и абсолютно неотвратимым, словно прыжок матерой сибирской рыси. Тяжелая рука в плотной перчатке перехватила горло Штыря, намертво впечатывая стокилограммового громилу затылком в монолитную стену сейфа. Короткий, сокрушительный боковой удар кулака в челюсть поставил точку — наемник обмяк, закатив глаза, и бесформенным мешком сполз на пол в глубоком нокауте.

Второй номер штурмовой группы, стоявший в коридоре с окровавленным лицом, попытался вскинуть обрез двустволки двенадцатого калибра.

Белозеров даже не повернул головы целиком — он лишь вскинул правую руку с армейским пистолетом Ярыгина. Сухой, резкий выстрел девятимиллиметрового патрона разорвал дым. Пуля вошла стрелку точно в коленную чашечку. Боевик взвыл дурным голосом, выронил обрез и покатился по полу, скребя ногтями ледяную корку.

Из глубины коридора донеслись панические крики остальных бандитов:

— Там опер Белозеров! Отходим! К снегоходам, быстро! Раненых волоките!

В сторону проема хлестнула шальная, неприцельная автоматная очередь отступающих. Пули со свистом рикошетили от бетона, выбивая каменные брызги прямо над входом.

Михаил среагировал быстрее мысли.

Он развернулся ко мне, сгреб меня за плечи своими огромными, железными руками и одним слитным движением вжал в глухой, безопасный угол за массивным стальным корпусом несгораемого сейфа.

Он встал между мной и проемом. Встал как живая, непробиваемая стена.

Его широкая, могучая спина в белом маскхалате полностью заслонила меня от всего мира. Я уткнулась лицом в жесткую брезентовую ткань его разгрузочного жилета, судорожно вцепившись пальцами в его поясной ремень.

Я чувствовала, как под брезентом ровно, мощно, без тени страха бьется его сердце. Чувствовала запах — дикий, пьянящий коктейль из морозного таежного ветра, порохового дыма, оружейной смазки, сосновой смолы и чистого мужского тепла. Над его головой визжали пули, скалывая бетон со стены в сантиметрах от плеча, но Михаил даже не шелохнулся. Он лишь плотнее прижал меня к себе, накрывая своим телом, словно несокрушимым щитом.

Стрельба в коридоре начала удаляться. Послышался визг заводимых на морозе двухтактных моторов снегоходов, крики боли и удаляющийся рев техники, уходящей сквозь буран в

сторону ущелья. Нападающие поняли, что внезапный налет провален, а в условиях шторма бой на выживание с Белозеровым означал для них верную смерть.

На базе воцарилась тишина. Лишь ветер завывал в вентиляционной трубе да оседал порошок из разбитого огнетушителя.

Михаил медленно перевел дух. Ствол его пистолета опустился к бедру. Он отстранился на полшага и посмотрел мне прямо в лицо.

Луч его налобного фонаря осветил суровые, резкие черты: обветренная бронзовая кожа, жесткая трехдневная щетина, тонкий белый шрам над левой бровью и светлые, серо-стальные глаза, в глубине которых сейчас не было холода — только предельная, пронзительная тревога за меня.

Мое тело внезапно предательски задрожало. Адреналиновый шквал, державший меня на ногах все время осады, хлынул обратно, уступая место ледяному шоку. Зубы выбивали непрерывающуюся дробь, пальцы на порезанной руке совсем побелели и потеряли чувствительность. Мороз в разбитом кернохранилище стремительно приближался к минус двадцати пяти, выстуживая воздух через раскученную дверь.

Михаил мгновенно все понял.

Без единого лишнего слова он расстегнул тяжелые кожаные пуговицы своего огромного постового тулупа из грубой армейской овчины, скинул его с плеч и широким, властным движением набросил на меня.

Тяжелая, теплая овчина пахла степным ветром, чистой шерстью и его телом. Михаил запахнул полы тулупа вокруг моего тела, укутывая меня с головой, словно ребенка. Затем снял свои толстые кожаные рукавицы и обхватил мои ледяные щеки огромными, горячими, жесткими ладонями.

Тепло его рук обожгло мою замерзшую кожу, словно живой огонь.

— Закутайся, Инна, — произнес он. Его низкий, густой бас звучал спокойно и нерушимо, заполняя собой все пространство вокруг нас. — Слышишь меня? Смотри на меня. Все закончилось. Пока я жив, ни одна мразь к тебе больше пальцем не прикоснется. Я участковый, капитан Белозеров. Ты под моей защитой.

От звука этого голоса — тяжелого, надежного, настоящего — что-то внутри меня оборвалось. Стена столичной независимости, гордости и застарелой привычки полагаться только на себя дала трещину. Горло перехватило горячим спазмом, и крупные, обжигающие слезы брызнули из моих глаз, оставляя дорожки на запыленных щеках.

Я не смогла вымолвить ни слова — только судорожно кивнула, прижимаясь щекой к его шершавой, мозолистой ладони.

Михаил бережно, кончиком большого пальца смахнул слезинку с моих ресниц. Взгляд его потеплел, в нем мелькнуло что-то такое глубокое и нежное, от чего по телу прокатилась сладкая дрожь.

Но раскисать на морозе сибиряк не позволил.

— Здесь оставаться нельзя, модуль выстужен начисто, — быстро произнес он, возвращаясь к делу. — Скоро здесь будет минус сорок. Идти сможешь?

— Смогу, — выдавила я осипшим голосом.

Михаил достал из подсумка стальные наручники «БР-С», перевернул бесчувственного Штыря на живот и защелкал стальные кольца на его запястьях, намертво приковав бандита к толстой несущей стойке кернового стеллажа:

— Здесь его надолго не оставлю. Сейчас отведу тебя в тепло и вернусь за ним. Утром передадим следователям.

Он подхватил с пола мою брезентовую планшетку с эталонами и отцовским несессером, закинул ремень себе через плечо, а затем крепко, властно взял меня под локоть:

— Держись за меня. Сначала в жилой балок. Там сруб из лиственницы, печь цела. Потом заберу задержанного в теплый подвал.

Мы вышли в разорванный взрывом коридор, перешагнули через обломки и вывалились в ледяной ад полярной ночи. Буран взвыл с новой силой, пытаясь сбить с ног, снежная крупа секла лицо, словно наждак. Но теперь мне было не страшно: впереди меня широкой стеной шел Белозеров, рассекая плечами ураганный наст и не давая ветру коснуться меня.

В двадцати метрах через занесенный плац темнел бревенчатый сруб старого жилого корпуса. Михаил распахнул массивную дверь, втокнул меня внутрь защищенного от ветра тамбура и шагнул следом.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, отрезая бешеный вой стихии.

Михаил поднял тяжелый, вековой дубовый брус сечением десять на десять сантиметров и опустил его в кованые железные скобы дверной коробки. Глухой металлический стук засова поставил точку в первой битве.

Мы стояли в полной темноте ледяного рубленого дома. За окнами бесновался буран, мороз уже сковывал нетопленные углы инеем, а наше дыхание вырывалось густыми клубами пара. Но мы были живы.

Михаил снял шапку, провел ладонью по мокрым от тающего снега волосам, повернулся ко мне и тихо, с едва заметной улыбкой в уголках губ сказал:

— Первый рубеж удержали, Иннушка. Теперь будем оживлять печь.

Стук тяжелого дубового засова, вставшего в кованые железные скобы, отсек ярость внешнего мира, но не принес тепла. Внутри старого жилого корпуса базы «Северная-4» царила звенящая, мертвая стужа. Воздух здесь успел остыть до минус восемнадцати: дыхание с хрипом вырывалось изо рта плотными белыми клубами, на грубо оструганных лиственничных венцах сверкал пушистый слой куржака, а толстые доски пола обжигали подошвы сквозь войлочные стельки ботинок.

— Первый рубеж удержали, Иннушка, — тихо повторил Белозеров, стряхивая мокрый снег с бровей. Его голос в замкнутом бревенчатом срубе прозвучал хрипло, но удивительно спокойно. — Теперь главное — не дать нам заледенеть. Стой здесь, не шевелись.

Он шагнул к углу горницы, где на листе кровельного железа стояла пузатая литая буржуйка с длинным коленом толстостенной трубы, уходящей в потолочную разделку. Железо печи было серым от наросшего инея.

Я попыталась расстегнуть ворот брезентовой куртки, но пальцы отказывались повиноваться. После дикого выброса адреналина в кернохранилище руки превратились в две бесчувственные деревяшки. Мелкая, противная дрожь колотила плечи, нижняя челюсть ходила ходуном.

— Я... я помогу, спички в кармане, — выдавила я, с трудом ворочая замерзшим языком.

Сунув негнущуюся руку в карман штормовки, я выудила коробок охотничьих ветровых спичек, но заочневшие пальцы судорогой свело от холода. Коробок выскользнул и полетел на ледяные половицы.

Михаил поймал его в воздухе у самого пола — с реакцией матерого бойца, не сделав ни единого лишнего движения. Поднялся во весь свой исполинский рост, бросил быстрый взгляд на мои руки и нахмурился. Мои фаланги были белыми, восковыми, начисто лишенными крови.

— Назад, — коротко скомандовал он, беря меня за локоть и усаживая на широкую сосновую лавку у стены. — Руки к железу не тяни. Смотри на меня и дыши носом.

Глава 4

Он опустился на одно колено перед распахнутой пастью печи. Охотничий нож с широким матовым клинком мелькнул в его правой руке. Подхватив из дровницы смолистый сосновый брусок, Михаил в несколько точных, сильных движений сострогал длинную кружевную стружку, пахнущую канифолью. Затем расстегнул внутренний карман форменного кителя и достал оттуда тонкий, сухой пласт березовой коры — бережно хранимую таежную растопку. Сложил лучину шалашиком, чиркнул кремнем бензиновой зажигалки.

Береста вспыхнула мгновенно. Веселое, живое оранжевое пламя лизнуло смолистую стружку, по срубам пополз терпкий смоляной дымок. Но стоило огню коснуться березовых поленьев, как из печной дверцы с резким свистом выбило черное облако гари прямо в лицо Михаилу. Обратная тяга.

— Черт... заслонку снегом прибило, труба замерзла, — сквозь зубы бросил он, прикрыв глаза рукавом.

Не теряя ни секунды, Белозеров выхватил шомпол от карабина «Тигр», с силой вогнал его в ревизионный лючок колена дымохода и с хрустом провернул заклинивший стальной шибер. Из трубы вниз посыпались комья мерзлой сажки.

В печи словно проснулся зверь. Вьючный гул мощной тяги ударил по ушам: пламя с утробным ревом втянулось в трубу, жадно пожирая бересту и сухую сосну. Чугунные бока буржуйки начали стремительно темнеть, сбрасывая ледяной налет, а воздух вокруг топки заструился прозрачными теплыми волнами.

Я инстинктивно подалась вперед, протягивая закоченевшие руки к огню, но широкая ладонь Михаила жестко легла мне на грудь, останавливая на месте.

— С ума сошла? — в его взгляде сверкнула строгая, почти родительская злость. — Не суй руки вплотную к раскаленному железу. Ты сейчас даже ожога не почувствуешь. Сиди смирно.

Он опустился на оба колена прямо на доски у моих ног, подвинул меня дальше от печи и расправил сухой край тулупа.

Михаил взял мои ледяные ладони в свои руки.

Его пальцы были огромными, огрубевшими от мороза, оружия и железа, с жесткими мозолями у основания фаланг, но сейчас они прикасались ко мне с такой затаенной, бережной осторожностью, словно держали крыло раненой птицы. Он укрыл мои кисти сухой шерстью и держал осторожно, не растирая израненную кожу.

Затем он поднес мои кисти к своему лицу, накрыл их своими губами и выдохнул — долго, горячо, отдавая мне все тепло своих могучих легких.

Ощущение чужого, живого, раскаленного дыхания на мертвой коже обожгло меня, как удар током.

А через секунду в руки ударила боль. Дикая, нечеловеческая, пульсирующая мука: словно под кожу загнали сотни раскаленных стальных игл, начавших одновременно вращаться. Я не выдержала — глухо вскрикнула, зажмурилась до цветных кругов перед глазами и попыталась вырвать ладони из его захвата.

— Пусти... Миша, пожалуйста, больно!..

— Терпи, Иннушка, — его хватка была железной, но в голосе звенела такая бездонная нежность, от которой перехватывало дыхание. — Терпи, хорошая моя. Знаю, что рвет. Согреешься — посмотрим руки. И Петровичу покажем, как выберемся. Я рядом, слышишь?

Он не отпускал. Продолжал дышать мне в ладони, согревая каждый сустав, пока судорога не начала отступать. Боль медленно сменилась тяжелым, пульсирующим покалыванием, а затем по рукам хлынула горячая, блаженная волна живого тепла.

Слезы, которые я сдерживала весь этот бесконечный кошмарный вечер, брызнули из глаз. Я сидела, уткнувшись лбом в его плечо, одетое в грубый колючий свитер, и беззвучно плакала от невыносимого, ошеломляющего облегчения.

Михаил не двигался. Он лишь осторожно, словно боясь спугнуть, положил свою ладонь мне на затылок, слегка прижимая к себе, а второй рукой достал из-под лавки сухую оленью шкуру с густым седым ворсом и подсунул мне под ноги:

— Уже легче, Инна. Здесь пол ледяной, ноги на шкуре держи. Печь набрала ход, сейчас горница задышит.

Оставив меня под тулупом, Михаил ненадолго вышел. Вернулся, когда я уже могла согнуть пальцы: Штыря он перевел в закрытый подвал подстанции, укрыл и запер. Лишь тогда сел рядом со мной.

Чугунная печь в балке уже гудела на полных оборотах, распространяя вокруг себя сухое живительное тепло, но наша передышка была иллюзией.

Вдоль потолка коридора проходили стальные трубы водяного отопления, соединявшие жилой модуль с лабораторией и складом. Вдруг в тишине сруба раздался резкий, металлический щелчок, похожий на выстрел мелкокалиберной винтовки. Затем второй, третий.

Я вскинула голову, сбрасывая оцепенение:

— Расширительный бак. Вода в системе начинает прихватываться льдом.

Михаил мгновенно помрачнел. Он поднялся с корточек, взглянул на наручные командирские часы:

— Без циркуляции трубы перемерзнут через сорок минут. Если теплоноситель разорвет регистры — базу к утру выморозит до костей. Никакая буржуйка три корпуса не протопит.

— Дизель, — решительно сказала я, вставая с лавки. Пальцы еще ныли тупой ноющей болью, но уже слушались. — Нужно запускать генератор.

— На генераторе пробита подача топлива, — Белозеров застегнул штормовку, затягивая шнур капюшона. — Когда наемники прорывались, шальная пуля разнесла подводящую топливную трубку. Солярка хлестала прямо на кожу. На таком морозе там сейчас парафиновый студень.

— У меня в несессере есть армированная маслостойкая резина от геодезического футляра и винтовые хомуты, — твердо ответила я, застегивая пуховик. — И отцовская газовая микрогорелка. Я не останусь сидеть у печки, пока ты один будешь возиться в железе. Мы идем вместе.

Он посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом — взглядом мужчины, привыкшего видеть в столичных женщинах хрупких барышень, требующих ухода, — и в его глазах блеснуло искреннее уважение.

— Ладно, напарник. Держи рукавицы. В боксе минус тридцать восемь.

Мы перебежали по темной обледенелой галерее в шлакоблочный бокс дизельной подстанции. Здесь пахло застывшим минеральным маслом, гарью и тяжелым холодом. Луч моего налобного фонаря выхватил массивную тушу восьмицилиндрового дизеля ЯМЗ-238, установленного на виброопорах.

Из пробитой топливной магистрали на картер натекла лужа дизельного топлива, застывшая серовато-мутной кашей.

Михаил достал из инструментального шкафа старую бензиновую паяльную лампу и потянулся за спичками:

— Сейчас раскочегарю, прогреем поддон...

— Стой! — я перехватила его руку за запястье. — Ты с ума сошел? Посмотри на пол: пары солярки скопились в приемке. Паяльная лампа даст открытый метровый факел — мы здесь заживо сгорим!

Михаил замер, принялся и медленно опустил лампу:

— Твоя правда. Забыл, что вытяжка не работает. Что предлагаешь?

— Сначала убрать пролитое топливо и проветрить бокс, — сказала я, пряча горелку обратно. — Пока течь не устранена, никакого огня.

Михаил кивнул. Мы занялись пробитой подачей.

Я достала кусок армированной мембраны, вырезала полосу нужной ширины и приложила к месту пробоины. Михаил своими огромными руками накинуд стальной червячный хомут, вставил отвертку и начал затягивать винт. Металл ключа на морозе буквально прилипал к перчаткам, но мы работали синхронно, без лишних слов: я удерживала поврежденную топливную трубку пассатижами, не давая ей переломиться, а капитан вгонял винт с усилием гидравлического пресса, пока резина не выдавилась по краям герметичным пояском.

Мы убрали пролитую солярку и проветрили бокс.

— Бандаж встал намертво, — выдохнул он сквозь ледяную корку на усах. — Можно прогревать.

Прогрев занял мучительные минуты. Я следила за отремонтированным соединением: сухо, ни капли новой течи. Михаил навалился на шток ручной помпы подкачки топлива.

Сначала насос шел тяжело, со скрежетом, выплевывая воздушные пробки.

Кач. Кач. Кач.

— Пошла солярка! — сквозь зубы крикнул Михаил. — Воздух стравил! Инна, готовься к пуску!

Он вставил массивный ключ массы в гнездо, провернул его — под капотом с сухим треском сработало тяговое реле. Затем достал из кармана баллончик с эфирной смесью «Быстрый старт» и щедро впрыснул струю прямо в открытый зев воздушного коллектора:

— На счет три вали декомпрессор вниз! Не жалей веса!

— Готова!

— Раз! Два... Три!

Михаил вдавил тяжелую кнопку стартера.

Стартер взвыл с натужным, стонущим визгом, преодолевая сопротивление застывшего масла. Коленчатый вал тяжело провернулся: один оборот, второй... Дизель чихнул белым дымом, выбросил сноп сажи и заглох.

— Аккумуляторы садятся! — крикнул Белозеров, и желваки на его челюстях вздулись буграми. — Последняя попытка, Инна! Держи декомпрессор до конца!

Он снова крутанул стартер, одновременно впрыскивая вторую дозу эфира. Металл заскрежетал, стартер дернулся на последних амперах, и вдруг пары эфира сдетонировали в цилиндрах. Раздался оглушительный хлопок, за ним второй — дизель затрясся на опорах, подхватил топливо из бака и с победным, раскатистым, звериным ревом вышел на рабочие полторы тысячи оборотов.

Выхлопная труба выбросила в метель столб черного дыма, сменившийся чистым маревом. Стрелка щитового вольтметра на стене резко качнулась и замерла на отметке двести двадцать вольт.

И в ту же секунду под потолком бокса ослепительно вспыхнули люминесцентные светильники. В технологической галерее с мягким шелестом ожили электрические циркуляционные насосы, и вода в трубах снова пришла в движение. Тепло еще предстояло вернуть, но система ожила.

Я стояла, прислонившись к вибрирующему кожуху генератора, и чувствовала, как по щекам течет пот, смешиваясь с тающим инеем.

Михаил убрал инструмент, сдернул с головы шапку и посмотрел на меня. В ярком электрическом свете его лицо — закопченное, усталое, с темными кругами под глазами — вдруг озарилось мальчишеской, открытой улыбкой.

Он шагнул ко мне, схватил за плечи и сжал так крепко, что у меня перехватило дух:

— Ай да геолог!.. Ну ты даешь, девчонка! Мы базу спасли, слышишь? Систему продавило!

Я рассмеялась — впервые за эти бесконечные страшные сутки. И этот смех, заглушаемый мерным рокотом дизеля, смыл последние остатки паники.

Глава 5

Возвращение в жилой корпус казалось переходом в совершенно иной мир. В срубе было светло: электрические лампы заливали комнату мягким золотистым сиянием, вдоль плинтусов тихо гудели конвекторы, а чугунная буржуйка отдавала накопленный жар, подняв температуру в горнице до блаженных плюс пятнадцати.

Михаил сбросил тяжелую форменную куртку у порога, прислонил карабин к косяку и тяжело опустился на деревянную скамью. Его лицо осунулось: сказывались бессонная ночь, штурм перевала и ледяной бой. Он сидел неподвижно, закрыв глаза и уронив руки на колени.

— Сиди, капитан, — тихо сказала я, стягивая пуховик. — Теперь моя очередь держать рубеж.

Кухонный отсек в углу балка представлял собой простой дощатый стол, полку с закопченной посудой и двухконфорочную электроплитку, ожившую вместе с дизелем.

Я провела быструю ревизию припасов. Мороз успел натворить бед: картошка в мешке превратилась в ледяные булыжники, буханка хлеба звенела, словно гранит. Но в жестяном походном рундуке под лавкой меня ждали настоящие таежные сокровища.

Две банки армейской тушеной оленины с надписью «ГОСТ. Спецрезерв». Пачка вологодского сливочного масла, завернутая в пергамент. Мешочек сухарей из бородинского хлеба с тмином. И главное — полотняный мешочек с сушеными травами, который мне перед заброской на базу подарила старая шорка на вертолетной площадке в Кедровом.

Я набрала в эмалированное ведро чистейшего белого снега с надува у крыльца, высыпала в медный закопченный чайник и поставила на плитку.

Пока вода шумела, нагреваясь, я достала деревянную ступку. Засыпала туда горсть толченых листьев дикого бадана, сушеные ягоды брусники, черный ломаный пласт березовой чаги, смородиновый лист и десяток терпких, пахнущих хвоей сизых ягод можжевельника. Тяжелый деревянный пестик с хрустом растер сухие травы, и по комнате поплыл густой, пряный, хмельной аромат сибирской тайги — запах летнего солнца, соснового бора и речной свежести.

Когда вода вскипела ключом, я всыпала сбор в чайник, укутала его толстым вафельным полотенцем и поставила на край теплой плиты томиться.

Затем достала массивную чугунную сковороду. Бросила на раскаленное дно щедрый ломоть сливочного масла. Масло зашипело, брызнув золотистой пеной. Острым ножом я нарезала бородинские сухари продолговатыми ломтиками и выложила на сковороду, обжаривая их до звонкой, темной, хрустящей корочки. А затем вскрыла банку оленины и опрокинула все содержимое прямо поверх горячего хлеба.

Куски темного, волокнистого мяса с прозрачным янтарным жиром и лавровым желе зашкворчали, мгновенно наполнив бревенчатый сруб безумно аппетитным, сытным, домашним духом.

Михаил повел носом, медленно открыл глаза и посмотрел на сковороду. На его обветренном лице появилось выражение почти детского изумления:

— Господи... Инна. Это что за колдовство? Пахнет так, будто я в раю проснулся.

— Это походный ужин сибирского маркшейдера, капитан, — улыбнулась я, выставляя на стол две глубокие эмалированные миски, деревянные ложки и нарезая последние ломти чеснока. — Давай к столу. Остынет — жир схватится.

Белозеров не заставил просить себя дважды. Он пересел к столу, взял ложку, подцепил дымящееся мясо с хрустящим сухарем, пропитанным чесночным маслом, и отправил в рот.

На несколько секунд он замер, прикрыв глаза, а затем покачал головой:

— Я три года ничего подобного не ел. В Кедровом вечно на бегу: то сухой доширак на дежурстве, то тушенка холодная прямо из банки на капоте снегохода. А тут... как будто дома. У матери в деревне так пахло.

Я разлила по жестяным кружкам темно-рубиновый, горячий таежный чай. Пар над кружками пах смолой и терпкой брусничной кислинкой.

— Пей, Михаил. Здесь бадан и чага. Силы поднимает лучше любого допинга.

Мы ели в тишине — в той удивительно уютной, правильной тишине, которая возникает только между людьми, прошедшими через смертельную опасность и выжившими благодаря друг другу. За окнами бесновался сорокаградусный буран, ветер с воем бросал пригоршни ледяной крупы в толстые лиственничные бревна, но внутри нашего островка тепла потрескивали дрова, гудел генератор и клубился пар от горячего взвара.

Закончив ужин, Михаил аккуратно подобрал кусочком хлеба остатки мясного сока со дна миски, с наслаждением отпил полкружки чая и перевел взгляд на меня.

Я потянулась через стол, чтобы убрать опустевшую сковороду, и мои пальцы случайно задели его широкоую запястную кость.

Рука Михаила не дрогнула. Но он не убрал ее. Его пальцы медленно, уверенно накрыли мою ладонь, прижимая ее к нагретой столешнице.

Прикосновение было неожиданно обжигающим. Я подняла глаза. Взгляд Белозерова изменился: в нем больше не было собранности боевого командира. Там горело глубокое, темное, не знающее сомнений мужское тепло.

— Спасибо тебе, Инна, — тихо сказал он, и от низких вибраций его голоса у меня в груди сладко зануло. — За свет. За тепло. За то, что не сломалась.

— Мы оба держались, Миша, — ответила я, не в силах отвести взгляд. Мои щеки вспыхнули румянцем, но руку я не отняла.

Он попытался встать из-за стола, чтобы отнести посуду, но внезапно покачнулся.

Короткая, острая судорога боли исказила его черты. Михаил стиснул зубы так, что линия его подбородка окаменела, а его левая рука безвольно повисла вдоль тела. Он уперся здоровой правой ладонью в угол косяка, тяжело дыша.

Я вскочила со скамьи, мгновенно заметив то, что в суматохе пуска дизеля оставалось скрытым.

Левый рукав его серого форменного свитера на плече был мокрым. Не от тающего снега — от темной, густой, запекшейся крови, пропитавшей шерсть темным пятном размером с чайное блюдце.

— Михаил! — я шагнула к нему, преграждая путь к выходу. — Ты ранен.

— Ерунда, — он попытался отмахнуться, но от движения плечом его лицо побелело. — Осколком вентиляционной решетки резануло, когда через шахту лез. Царапина. До утра доживет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.